

ПЕРЕОЦЕНКА СУЩНОСТИ ЭСТЕТИЗМА С ПОЗИЦИЙ ХРИСТИАНСТВА В ИСПОВЕДИ ОСКАРА УАЙЛЬДА «DE PROFUNDIS»

У статті досліджується питання духовно-етичної еволюції Оскара Вайльда, що призвело письменника до переосмислення ролі мистецтва та призначення художника. Перенесені випробування наприкінці життя посилили цікавість Вайльда до ідейних проблем християнства, що відобразилося у його пізньому творі «De Profundis».

Ключові слова: естетизм, християнство, мистецтво, митець, душа, творчість, художник, упокорення, духовно-етична еволюція.

В статье исследуется вопрос духовно-нравственной эволюции Оскара Уайльда, приведшей писателя к переосмыслению роли искусства и предназначения художника. Перенесенные испытания в конце жизни усилили интерес Уайльда к идейным проблемам христианства, что нашло свое отражение в его позднем произведении «De Profundis».

Ключевые слова: эстетизм, христианство, искусство, творец, душа, творчество, художник, смирение, духовно-нравственная эволюция.

The article deals with some questions of spiritual evolution of Oscar Wilde that leads to recomprehending of the place of art and destination of the artist. The ordeals at the end of life intensified the interest of Wilde in the problems of christianity that was reflected in his latest work «De Profundis».

Key words: aesthetism, christianity, art, creator, soul, creation, artist, spiritual evolution.

Художественное наследие Оскара Уайльда неизменно вызывало интерес как на его родине, так и во всем мире. Не избежала этого и Россия: многие русские писатели еще до революции подпали под обаяние великого английского писателя: переводили Уайльда и Константин Бальмонт, и Валерий Брюсов, и Федор Сологуб; произведения известных русских классиков конца XIX – начала XX вв. несут на себе следы его влияния. Научное исследование творчества Уайльда было сосредоточено на особенностях его эстетики и ее отражении в развитии русской литературы: делался сравнительный анализ творчества О. Уайльда и Иннокентия Анненского, Валерия Брюсова, Леонида Андреева и Игоря Северянина. Исследовательницей Кочетковой А. изучалась литературно-критическая деятельность Корнея Чуковского в связи с особенностями творчества Оскара Уайльда, Н. Рауд и Е. Куприянова обращали внимание на образный строй поэзии английского писателя и сказочно-мифологическую поэтику романа «Портрет Дориана Грея» и литературных сказок.

Как известно, Уайльд стал автором гедонистической философии эстетизма [5, с. 518], которая провозглашала искусство, оторванное от действительности, но еще Константин Бальмонт, Федор Сологуб и Корней Чуковский заметили в его прозе и поэзии явное тяготение к нравственному идеалу.

Цель статьи – обратить внимание на усилившийся интерес писателя к проблемам христианства в результате душевного надлома после перенесенных жизненных испытаний, сопряженный с перестановкой акцентов в его отношении к христианству, что привело к изменению эстетической программы его творчества.

Актуальность работы – выявление до сих пор замалчивавшихся сторон его духовно-нравственной эволюции, которые привели к переосмыслению идейной программы эстетизма.

Традиционное литературоведение долгое время воспринимало Оскара Уайльда как крушителя многовековых моральных устоев английской нации, – основы пуританской этики викторианства. Кроме скандального судебного процесса 1895 года, способ-

ствовавали этому и его теоретические работы, посвященные осмыслению роли искусства под лозунгом «Эстетика выше этики», и, вызвавший бурные нападки критики, его единственный роман «Портрет Дориана Грея», названный многими «аморальным», и, запрещенная английской цензурой пьеса «Саломея», роль в которой уже репетировала в Лондоне Сара Бернар.

Написанное в заключении к предавшему его близкому другу письмо, которое позднее будет названо «De Profundis», меняет сложившийся в обществе стереотип представления об Уайльде как о противнике морали.

Исследовательница А. Образцова в предисловии к первому изданию писем О. Уайльда на русском языке в 1997 году писала, что глубины, открывшиеся в «Тюремной исповеди» показали, что он гений: «Поскольку в исповеди все должно быть сказано начистоту и до конца – на то она и исповедь, Уайльд не мог утаить от читателей «De Profundis», что был не просто талантлив, но гениален» [2, с. 7]. Ниже она противоречит сама себе: «Из тюрьмы вышел больной, измученный человек... его творческие силы иссякли» [2, с. 19], но ведь еще сам Уайльд в исповеди писал, что все написанное и достигнутое до сих пор – ничто по сравнению с тем, что он понял в тюрьме: истина или смысл всей нашей жизни, утверждает он, заключается в страдании, а страдание и есть высочайшая красота, которая составляет суть искусства, – вывод, прямо скажем, не совпадающий с основной доктриной эстетизма.

Личная трагедия его жизни, размышления о тщете удовольствия, сделанное им прежде культом своего существования, – приводят писателя к углубленным раздумьям о значении личности Христа. Однако, знаменательно то, что восприятие Спасителя у Уайльда происходит и опосредованно, через его отношение к процессу творчества, самого его смысла: «Мы можем увидеть в Христе то полное слияние личности с идеалом, которое составляет истинное различие между классическим и романтическим Искусством и превращает Христа в подлинного предтечу романтического движения в жизни, но это не все: самую суть его личности, так же как и личности художника, составляло могучее, пламенное воображение» [6, с. 210].

Однако, это, без сомнения, был не первый опыт обращения Уайльда к теме христианства. Не будем забывать, что Уайльд был ирландцем, то есть представителем нации, которая традиционно ассоциируется с приверженностью к католицизму.

Еще молодым он серьезно думал о том, чтобы перейти в католичество, но случай этому помешал. В 1877 году, двадцатитрехлетний Уайльд пишет своему другу Реджинальду Хардингу, что его богатый кузен в завещании лишил его наследства, узнав об этом намерении: «Он, бедняга, был фанатично нетерпим к католикам и, видя, что я «на грани», вычеркнул меня из завещания... мое пристрастие к католицизму больно ударило меня по карману и обрекло на моральные страдания. Мой отец сделал его совладельцем моего рыбацкого

домика... и его доля собственности... должна была перейти обратно ко мне; так вот, даже ее я утрачу, «если в ближайшие пять лет перейду в католичество», – ужасная низость! Подумать только, человек предстает перед «Богом и безмолвием вечности», так и не порвав со своими несчастными протестантскими предубеждениями и фанатичной нетерпимостью!» [7, с. 37].

К Библии Уайльд обращается на протяжении всей жизни. Его раннее письмо к матери фиксирует факт посещения библиотеки св. Амброзия в Милане, во время первого путешествия в Италию, где он интересуется Библией с ирландскими глоссами шестого-седьмого века. В письме к Уильяму Уорду он фиксирует: «Ложусь спать, прочитав на сон грядущий главу из св. Фомы Кемпийского» [7, с. 30]. И дальше добавляет, правда, довольно иронически: «По-моему, ежедневное получасовое истязание души весьма способствует благочестию» [7, с. 30]. С огромным воодушевлением будущий писатель пишет, что мечтает приобщиться к святым тайнам нового вероисповедания и обрести душевный покой в дальнейшей жизни, но добавляет, что «решимость ... колеблется от каждого дуновения мысли, и что я слаб, как никогда, и подвержен самообману» [7, с. 32]. В конце жизни друзья Уайльда также пишут о наличии Библии на его столе.

Много раз Уайльд задумывался о таинствах христианства. Но мать, будучи для него авторитетом во всех вопросах жизни и искусства, и здесь имела на него огромное влияние. Она была против религиозной практики: посещения церкви, исповеди и причастия у священника, которые считала пред-рассудками. В письме Уильяму Уорду молодой Оскар анализировал: «Делая исключение для народа, которому догма, по ее мнению, необходима, она отвергает религиозные предрассудки и догмы во всех формах, и особенно идею священника и таинства, стоящих между нею и Богом» [7, с. 28].

Уже тогда Уайльд остро ощущает величайшее чудо всех времен – рождение Бога в человеческом обличье для спасения человечества. В письме Уильяму Уорду он замечает: «Удивительно, как ты не видишь красоты и неизбежности воплощения Бога в человека ради того, чтобы помочь нам держаться за подол Бесконечности» [7, с. 28]. Христианскую религию он считает высочайшим взлетом человеческого благородства, а дохристианский мир – несовершенным: «После явления Христа неживой мир пробудился от сна. После его прихода мы стали жить. По-моему, наилучшим доказательством идеи воплощения бога в человека является вся история христианства – история благородных людей и мыслей, а не простой пересказ неподтвержденных исторических преданий» [7, с. 29].

Были у Уайльда в жизни совершенно неожиданные казусы – увлечения и масонством и католицизмом одновременно, сочетания, как известно, абсолютно несовместимые. Например, тому же Уильяму Уорду однажды он пишет, что «очень заинтересовался масонством и ужасно в него уверовал» и тут же замечает: «теперь я завтракаю

с отцом Паркинсоном, хожу в церковь св. Алоисиуса, веду душеспасительные религиозные беседы... и, возможно, перейду на каникулах в лоно Римско-католической церкви» [7, с. 32].

Уайльд напряженно раздумывает о своей ответственности в случае принятия положительного решения, но останавливают его чисто мирские соблазны и искушения – сребролюбие и тщеславие: «Если бы я мог надеяться, что католическая вера пробудит во мне некоторую серьезность и чистоту, я перешел бы в нее хотя бы ради удовольствия, даже не имея на то более веских причин. Но надежда на это невелика, а перейти в католичество – значит отринуть и принести в жертву два моих великих божества – Деньги и Честолюбие. И вместе с тем я бываю подчас так несчастен, подавлен и неспокоен. Что в каком-нибудь отчаянно тоскливом настроении буду искать прибежища у Римско-католической церкви, которая просто зачаровывает меня своею прелестью» [7, с. 32].

Со своим преподавателем-наставником Уайльд часто беседует на богословские темы. Но уже переехав в Лондон после возвращения из Америки в 1882 году, Уайльд целиком погружается в атмосферу художественного мира: читает лекции об искусстве, строит планы о написании пьес, пишет прозовые и стихотворные произведения, полемизирует со своими друзьями о роли художника в социуме. Вопросы религии отходят хорошо, если на второй план, и то в аспекте интерпретаций и модификаций (вспомним пьесу «Саломея»). А однажды в одном из своих писем, отмечая, что делит книги на три категории: те, которые следует прочесть, которые следует перечитывать и которые не следует читать вовсе, он даже причисляет сочинения всех отцов церкви, за исключением, правда, св. Августина.

Совершенно меняется отношение писателя к христианской религии после проигранного им судебного процесса и осуждения на каторжные работы в течение двух лет. Потеря честного имени в обществе, конфискация имущества, лишение родительских прав, а главное – невозможность творить, – все это является причиной психологического надлома, который приводит к утрате способности писать. Уайльд мучительно анализирует причины своей трагедии и, наконец, осознает их в собственном личном эгоизме, намерении отмежеваться от реальной жизни. Вот что он пишет в своей исповеди: «Я помню, как сказал одному из своих друзей, когда мы были в Оксфорде, – что мне хочется отведать всех плодов от всех деревьев сада, которому имя – мир, и что с этой страстью в душе я выхожу навстречу миру. Таким я и вышел в мир, так я и жил. Единственной моей ошибкой было то, что я всецело обратился к деревьям той стороны сада, которая казалась залитой золотом солнца, и отвернулся от другой стороны, стараясь избежать ее теней и сумрака» [6, с. 208]. Или в другом месте: «Я шел тропой удовольствий под пение флейт. Я питался сотовым медом. Но жить так постоянно – было бы заблуждением, это

обеднило бы меня. Мне нужно было идти дальше. В другой половине сада меня ждали иные тайны. И, конечно, все это было предсказано, предначертано в моем творчестве» [6, с. 209].

Фактически, эти слова являются приговором самой сущности эстетизма, ставящего искусство над жизнью и опровержением еще недавнего его высказывания о том, что жизнь копирует искусство. В душе художника наступает умиротворение только тогда, когда он понимает, что причина всех его несчастий он сам: «Я увидел, что мне остается только одно – со всем примириться. И с тех пор я стал счастливее. Ведь я постиг собственную душу, прикоснулся к самой ее высшей сути... Когда прикасаешься к собственной душе. Становишься простым, как дитя, – таким, как заповедал Христос» [6, с. 214].

В душе писателя происходит окончательный перелом, после которого наступает смирение: «Теперь я вижу, что Страдание – наивысшее из чувств, доступных человеку, – является одновременно предметом и признаком поистине великого Искусства» [6, с. 205], «Страдание – высшая ступень совершенства, высший символ этого и в жизни, и в Искусстве... Порой мне кажется, что Страдание – единственная истина... но из Страдания создана Вселенная, а дети и звезды рождаются в муках... Тайна жизни – в страдании» [6, с. 205].

В связи с этим вспомним Послание к Римлянам святого апостола Павла, в котором он призывает к смирению. Совершенно очевидно, что Уайльд хорошо знал Евангелие, но знать и понимать, как оказалось, не одно и то же. Еще сложнее – исполнять. Истинное осознание приходит в дни испытаний: «...от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда...» [1, с. 260], «...кратковременное ... страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу. Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимоеечно» [1, с. 298] – пишет апостол во втором послании к Коринфянам: «...утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы...». Способность испытывать боль есть единственный способ проникнуть в тайну мироздания, утверждает Уайльд: «На того, кто возмутился душой, не снизойдет благодать, если употреблять выражение, которое церковники так любят, – и любят вполне справедливо, – добавлю я, – потому что в их жизни и в Искусстве возмущение замыкает слух души, и небесные звуки не достигают ее» [6, с. 208].

Когда мирские соблазны становятся недоступны, у писателя происходит полная переоценка ценностей, он находит главный смысл жизни любого человека, не только художника, этот смысл – жизнь духа. Кажется, что и искусство, не наполненное смыслом духовности, проповедующее отсутствие морали, становится для него бесполезным: «Когда мы вступаем в жизнь, сладкое сладостно для нас, а горькое – огорчительно, и мы неизбежно устремляем все свои желания к наслаждению и мечтаем не только «месяц или два питаться медом сот», а во всю жизнь не знать иной пищи, – не понимая, что

тем временем, быть может, душа наша истаеает от голода» [6, с. 206]. В этом, как будто горьком, признании так и слышатся слова Христа о том, что нет смысла в приобретении всего мира взамен погребения собственной души. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» [1, с. 12].

Снова и снова в ситуации возникновения такой диллемы, каждый делает свой выбор, компромисс здесь невозможен: «Никто не может служить двум господам... <...> ...Не можете служить Богу и маммоне», цитирует евангелист Матфей слова Иисуса [1, с. 13]. Апостол Павел добавляет в Первом послании к Коринфянам, утверждая единственный путь в жизни человека «благоразумного»: «...ревнуйте о дарах духовных...» [1, с. 289]. В какой-то степени становится это девизом и самого Уайльда. Будучи более чем ограниченным в средствах в условиях заключения, он пишет друзьям о счастье, которое он испытывает, смысл которого он наконец понял – жизнь духа. Отрешенность от мира материальных вещей, о чем сама мысль показалась бы дикой в дни триумфа, становится для Уайльда необходимым условием плодотворной жизни художника: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут... но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем...» [1, с. 12].

Совершенство личности Иисуса Христа раскрывается перед писателем с полной силой, и осознает он это, несомненно, как великий художник: «...всякий, кто соприкасается с его личностью, – пусть не склоняясь перед его алтарем и не преклоняя колен перед его служителями, – вдруг чувствует, что ему отпускаются его грехи во всем их безобразии, и красота его страдания раскрывается перед ним» [6, с. 211]. А в результате, лучше постигает глубину смысла самого творчества: «Творческая жизнь – это просто самосовершенствование. Смирение художника проявляется в том, что он принимает с открытой душой все, что бы ни выпало на его долю» [6, с. 209].

Постепенно Уайльд, пускай еще не полностью, но признает за искусством право на, так сказать, морализаторство в хорошем смысле этого слова, улавливая самую суть учения Христа – воспитание прекрасного человека и прекрасных отношений между людьми. Таким образом, писатель переносит акцент с внешности на наполненный глубоким содержанием внутренний мир: «Хотя Метафизика меня мало интересует, а Мораль – не интересует вовсе, но тем не менее, все когда-либо сказанное Платоном или Христом, может быть перенесено непосредственно в сферу искусства и найдет в нем свое наиболее полное воплощение» [6, с. 210].

Отсюда берет свое происхождение его преклонение перед Мессией, как перед величайшим

творцом человечества, утонченным чувством художника Уайльд отдает Ему первенство среди гениальнейших представителей мира искусства. На этот счет Уайльд высказывается неоднократно, ставя в один ряд имя Христа с Эсхилом, Софоклом, Платоном, Данте, Шелли, Шекспиром: «Из мастерской плотника в Назарете вышла личность, бесконечно более грандиозная, чем все герои мифов и легенд, тот, кому было суждено, как ни странно, открыть миру мистическое значение вина и подлинную красоту полевых лилий – как никому и никогда не удавалось...» [6, с. 216]. «Я нахожу гораздо более глубокое и непосредственное соприкосновение подлинной жизни Христа с подлинной жизнью художника» [6, с. 210]. «Да, место Христа – среди поэтов... Он был первым, кто признал единство и равенство рассеянных племен... Он больше, чем кто-либо за всю историю человечества, пробуждает в нас то ощущение чуда, к которому всегда взывает Романтизм» [6, с. 211]. «...Он стоит в одном ряду с поэтами. Это правда. И Софокл и Шелли ему сродни. Но и сама его жизнь – чудеснейшая из всех поэм. Во всех греческих трагедиях нет ничего, что превзошло бы ее ... и незапятнанная чистота главного действующего лица поднимает весь замысел на такую высоту романтического искусства, где страдания фиванского рода не идут в счет оттого, что они слишком чудовищны» [6, с. 211]. «Ни у Эшила, ни у Данте – этих суровых мастеров нежности, – ни у Шекспира, самого человеческого из всех великих художников, ни во всех кельтских мифах и легендах, где прелесть мира всегда туманится слезами, а жизнь человека – не более жизни цветка, не найти той прозрачной простоты пафоса, слившегося и сплетенного с тончайшим трагическим эффектом, которая сравняла бы их хотя бы приблизительно с последним актом страстей Христовых» [6, с. 212].

Даже Альфреду Дугласу, которому и была адресована «Тюремная исповедь», непосредственному виновнику событий, предшествовавших заключению, Уайльд советует сделать надпись на стенах своего дома, чтобы всегда иметь перед собой слова «доступные солнечной позолоте и лунному серебру: «Все, что происходит с другим, происходит с тобой», объясняя, что это означает «Сердце Господа Иисуса Христа и разум Шекспира».

Определяя причину главенства Иисуса среди художников, писатель ставит Его безоговорочно выше всех. Причина этого – «милость к падшим», главнейшее качество Христа, Его сущность, которая становится для Уайльда важнее всего, сильнее даже творческой силы: «В сфере человеческих отношений он проявлял то родственное внимание художника, которое в сфере Искусства является единственной тайной творчества. Он понимал проказу прокаженного, незрячесть слепого, горькое злощастие тех, кто живет ради наслаждения, странную нищету богатых» [6, с. 210], «Для художника экспрессия – это вообще единственный способ постижения жизни. То, что немо, – для него мертво. Но для Христа это было не так. Почти священный ужас вызывает

дивная сила воображения, которым он охватил мир бессловесного, весь безгласный мир боли, и принял в царствие свое, а сам навеки сделался его голосом» [6, с. 213].

Сквозь призму искусства приближается Уайльд и к большему пониманию конечного предназначения каждого человека, Царствию Небесному. Описывая его, писатель использует такие же возвышенные эпитеты и метафоры, как и при описании Христа: «В дальней дали, подобно безупречной жемчужине, виднеется Град Господень. Он так прекрасен, что кажется – ребенок добежит туда за один летний день. Да, ребенку это по силам. Но для меня и мне подобных – все обстоит иначе... Как трудно остаться на тех «высотах, что доступны для души» [6, с. 207].

Перечисляя трагические события жизни Иисуса Христа перед его мученической кончиной, Уайльд замечает: «...глядя на все это только с точки зрения искусства, чувствуешь себя благодарным за то, что самое торжественное богослужение в Церкви являет собой трагедийное действие без кровопролития, мистерию, представляющую даже Страсти своего Бога посредством диалога, костюмов, жестов; и я всегда с радостью и благоговением вспоминаю последнее, что нам осталось от греческого Хора, позабытого в Искусстве, – голос диакона, отвечающий священнику во время мессы» [6, с. 212].

Доброта и милосердие Иисуса делают Его обаятельнейшим среди людей, а чудесные исцеления и обращения безошибочно указывают на Его божественное происхождение. Так, для Уайльда постепенно вырисовывается образ Богочеловека: «Его чудеса кажутся мне изумительными, как наступление весны, и столь же естественными. Мне нисколько не трудно поверить тому, что обаяние его личности было так велико, что от одного его присутствия мир нисходил на страждущие души, а те, кто касался его рук или одежды, забывали о боли; что, когда он проходил по дорогам жизни, люди, никогда не понимавшие тайну жизни, вдруг постигали ее, а те, кто был глух ко всем голосам, кроме зова наслаждения, впервые слышали голос Любви» [6, с. 213]. Выражаясь прагматичным языком, в то время, да и потом, причина нарастающей популярности христианской религии заключается в ее близости не только бедным и угнетенным народным массам, но и всем непонятым и обиженным («Царство мое не от мира сего»): «Блаженны плачущие; ибо они утешатся. Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю. Блаженны

алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся... <...>... Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» [1, с. 9].

Не требующим доказательств фактом становятся для писателя предсказания прихода Мессии в мир, сделанные еще в Старом Завете, одно из них он подробно описывает: «...в финале ... завеса в храме раздралась, и настала тьма по всей земле, и к двери гроба привалили большой камень» [6, с. 212].

После освобождения и переезда в Италию Оскар Уайльд посещает литургию, участвует в праздниках римско-католической церкви.

Исследование творчества и особенностей личности показывает, что писатель на протяжении всей жизни, быть может, поэтапно, интересовался вопросами религии. Если в молодости это был живой интерес юноши, восхищающегося эстетической красотой службы, живописи и архитектуры Римско-католической церкви, то в зрелости, после длительного перерыва, началось более глубокое проникновение в самую суть христианства, поводом чего стали изменившиеся обстоятельства жизни. Однако нельзя, конечно, утверждать, что в результате Уайльд стал практикующим христианином (его письма после выхода на свободу открывают другую, можно даже сказать, юродствующую сторону его отношений с церковью), но максимальное приближение к основам учения, проповеданного Христом, попытка постижения духа, пускай еще не буквы Закона сердцем художника, – несомненна.

А дух Закона, как утверждал Иисус, заключается в любви: «Не нарушить пришел я, но исполнить». Эта любовь и к отверженному обществом писателю, диктующему моду и в искусстве, и в жизни долгие годы не только в Англии, но и в Европе спасла его. Сила такой любви, способная создать мир из ничего, потрясает Уайльда: «Он (Иисус. – О.К.) знал, что любовь – это потерянная тайна мироздания, которую тщетно разыскивают все мудрецы, и только через любовь можно прикоснуться к сердцу прокаженного или к Стопам Божьим» [6, с. 213].

Демонстративное, чуть ли не фанатичное следование эстетским идеям в тех формах, которые Уайльд пропагандировал всем своим поведением, привело писателя к личной драме и стало причиной начавшихся творческих сложностей еще до суда, в первой половине 90-х годов. Тюремная исповедь «De Profundis» стала манифестацией духовно-нравственной и творческой эволюции писателя, этапом переосмысления художественных ценностей.

ЛІТЕРАТУРА

1. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа : [издание итальянского францисканского движения ; в русск. перев. с параллельн. местами и прилож.]. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1990. – 755 с.
2. Образцова А. Оскар Уайльд: личность и судьба / А. Образцова // Уайльд О. Письма. – М. : Аграф, 1997. – С. 5–22.
3. Рокаш О. На межі століть : Англійська література кін. XIX – поч. XX ст. : [навчальний посібник] / О. М. Рокаш. – Кам'янець-Подільський : Оіюм, 2005. – Т. 1. – 732 с.
4. Соколянский М. Оскар Уайльд : Очерк творчества / М. Соколянский. – Киев ; Одесса : Лыбидь, 1990. – 199 с.

5. The World Book Encyclopedia : In 24 v. – Chicago ; London ; Sydney ; Toronto : a Scott Fetzer company, 1994. – V. 17. – 618 p.
6. Уайльд О. De Profundis / О. Уайльд // Уайльд О. Письма. – М. : Аграф, 1997. – С. 144–274.
7. Уайльд О. Письма / О. Уайльд. – М. : Аграф, 1997. – 416 с.

Рецензенти: Статкевич Л.П., к.філол.н, доцент,
Крамар В.Б., к.філол.н, доцент

© Кудлей О.П., 2009

Стаття надійшла до редколегії 29.10.09